

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

- Зейналов А.А., Велиев С.С., Тагиева Е.Н.** Палеоэкологические условия обитания человека в Нахичевани в эпоху мустье (по материалам пещерной стоянки Газма, Азербайджан) 2
- Саблин М.В., Гиря Е.Ю.** К вопросу о древнейших следах появления человека на юге Восточной Европы (Россия) 7
- Волков П.В.** Жилища эпохи голоцена на Дальнем Востоке России (опыт функционально-планиграфического анализа) 14

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

- Скочина С.Н.** Костяной и роговой инвентарь кошкинской культуры с поселения Мергень-6 25
- Довгалюк Н.П., Татаурова Л.В.** Стекланные бусы из слоев сельских поселений среднего Прииртышья как источник для реконструкции торговых связей русских переселенцев XVII–XVIII веков 37
- Панкова С.В., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И.** Радиоуглеродное датирование оглахтинской гробницы методом «wiggle matching» 46
- Королюк Е.А., Полосьмак Н.В.** Растительные остатки из захоронений в курганах № 20 и 31 могильника Ноин-Ула (Северная Монголия) 57
- Паркинсон У.А., Пикок И., Палмер Р.А., Юнчжу Ся, Карлок Б., Дьюха А., Йеркс Р.В., Галати М.Л.** Элементный анализ материала для инкрустации керамики раннеэнеолитической культуры Карпатского бассейна 64
- Жульников А.М., Кашина Е.А.** «Лосиноголовые жезлы» в культуре древнего населения Зауралья, Северной и Восточной Европы 71
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.** Предметы с изображением сюжета «животное/всадник на основании» в культуре средневекового населения Северной Евразии 79
- Кубарев В.Д.** Хар-Чулуу: новый памятник наскального искусства Монгольского Алтая 89

ЭТНОГРАФИЯ

- Бустанов А.К., Корусенко С.Н.** Родословные сибирских бухарцев: Имяминовы 97
- Петрова С.И.** Одежда в традиционных свадебных ритуалах якутов (XIX–XX века) 106
- Бурнаков В.А.** Традиционные представления хакасов об *ызыхах* 111
- Нимаев Д.Д.** Дауры и баргуты: проблемы этнической истории 122

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

Народы Евразии: культурное наследие в фотоархивах

- Традиционная культура коми-пермяков. Фотоколлекции А.Ф. Теплоухова по этнографии Урала начала XX века из собрания Пермского краевого музея** 128

АНТРОПОЛОГИЯ

- Пан Мин Кю, Бахолдина В.Ю.** Некоторые одонтологические материалы к проблеме происхождения населения Корейского полуострова 141
- Година Е.З., Исламова Н.М., Хомякова И.А., Задорожная Л.В.** Особенности роста и развития русских и татарских детей и подростков (на примере населения города Набережные Челны) 146

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Возвращение к Геро фон Мергарту: немецко-русский симпозиум «Геро фон Мергарт. Немецкий археолог в Сибири 1914–1921 гг.»** 155

- СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ** 158

- СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ** 159

УДК 903.27

В.Д. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: vdkubarev@gmail.com

ХАР-ЧУЛУУ: НОВЫЙ ПАМЯТНИК НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ

Статья посвящена результатам экспедиционных работ по изучению петроглифов в одном из отдаленных регионов Западной Монголии. Впервые приводятся сведения (в очень сжатом виде) об уникальном древнем комплексе наскального искусства Монгольского Алтая – Хар-Чулуу, открытом в 2004 г. в приустьевой части р. Хар-Салаа. Предпринята попытка датирования петроглифов памятника. Рассматриваются наиболее характерные сюжеты, явно имеющие отношение к архaicным мифологиям и предназначенные для каких-то ритуальных действий.

Ключевые слова: петроглифы, эпоха бронзы, рисунки, оружие, археологический памятник, семантика.

Введение

На территории Монголии в последние годы проводятся интенсивные исследования археологических памятников учеными разных стран. Международные проекты посвящены изучению богатого культурно-исторического наследия МНР и древней истории монголов. Однако до сих пор усилия многих археологов, работающих на Монгольском Алтае, не были должным образом скоординированы и носили эпизодический характер. Ситуация кардинально изменилась с созданием в Улан-Баторе Института исследования Монгольского Алтая, который возглавил профессор Х. Цоохуу. Определенным результатом деятельности коллектива нового института можно считать издание в 2006 г. альбома с этнографическими материалами (автор Б.А. Баасанхуу), а также выпуск двух номеров научно-популярного журнала «Монгол Алтай». В них, кроме монгольских авторов, опубликовали свои статьи и российские исследователи.

Общеизвестно, что от открытия до публикации в полном объеме объекта исследования проходит несколько лет, и нередко один и тот же археологический памятник «открывается» другими учеными и час-

то фигурирует в литературе под разными названиями. Поэтому основная цель этого сообщения – донести до ученых разных стран информацию еще об одном, недавно открытом памятнике наскального искусства на Монгольском Алтае*.

В 2004 г. Российско-Монгольско-Американская экспедиция (проект «Алтай») проводила работы на территории Монгольского Алтая. Объектом изучения стали разновременные петроглифы, в большом числе нанесенные на отдельных глыбах и скалах горы Шивээт-Хайрхан (сомон Цэнгэл, Баян-Улгэйский аймак). В задачи участников экспедиции входили не только картографирование и уточнение уже ранее обработанных наскальных изображений, но и поиск новых. Так, в частности, удалось обнаружить и скопировать комплекс оригинальных петроглифов, сконцентрированных в основном на скальных останцах Хар-Чулуу (рис. 1). Неизвестное ранее археологам святилище с древними рисунками находится в

*Автором на страницах нашего журнала уже опубликованы краткие сведения о двух уникальных местонахождениях петроглифов указанного региона Центральной Азии [Кубарев В.Д., 2007а, б].

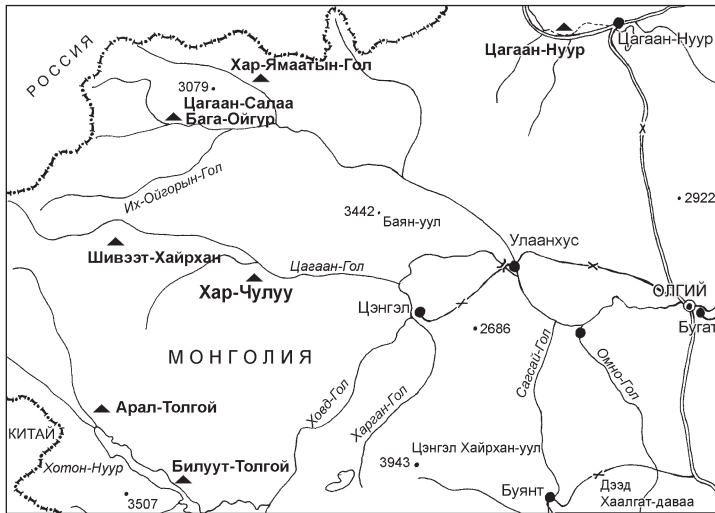

Рис. 1. Расположение памятников наскального искусства на территории Баян-Улзгейского аймака Монголии.

Рис. 2. Вид с юга на комплекс петроглифов Хар-Чулуу (стрелкой указано основное скопление наскальных изображений).

5 км к востоку от горы Шивээт-Хайрхан, почти в самом устье р. Хар-Салаа, на ее правом берегу [Кубарев Г.В., Цэвээндорж, Кубарев В.Д., 2004]. Координаты памятника: $49^{\circ} 05' 03''$ с.ш., $88^{\circ} 19' 01''$ в.д.; высота над ур.м. 2 320 м. По предварительным подсчетам, здесь, по меньшей мере, 250 рисунков (сцен и отдельных изображений). Они в основном располагаются на плоскостях скал, ориентированных на юг (рис. 2). Петроглифы копировались на специальную миколентную бумагу, полиэтиленовую пленку при помощи перманентных фломастеров (рис. 3), а также фиксировались фото- и видеосъемками.

Вокруг комплекса с наскальными изображениями отмечены курганы пазырыкской культуры, несколько

Рис. 3. Копирование петроглифов на полиэтиленовую пленку.

памятных стел, установленных внутри оградок, и ряд поминальных сооружений древних тюрков [Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2004].

Описание сюжетов, хронология и интерпретация петроглифов

В Хар-Чулуу наиболее часто встречаются сцены охоты на оленей (рис. 4), диких быков и козлов. Одна из них передает момент приманивания дикого козла к домашней козе, которую человек держит на привязи (рис. 5). В стилистическом плане интересны изображения диких лошадей с рассеченной на зубцы гривой. В общей массе рисунков, запечатлевших людей, выделяются характерные фигуры «хвостатых» воинов (рис. 6), вооруженных копьями, луками и палицами. Для определения времени их нанесения большое значение имеют изображения палиц или булав, которые уверенно датируются эпохой развитой бронзы [Кубарев В.Д., 2004, с. 71–73]. К этому же периоду можно отнести рисунки копий и дротиков. Они достаточно детализированы: показаны с наконечниками ромбовидной, треугольной и лавролистной формы. Флаги или бунчуки в виде шаров (хвосты быков?) на древках копий (рис. 6) также находят более позд-

Рис. 4. Сцена охоты на оленей и козлов.

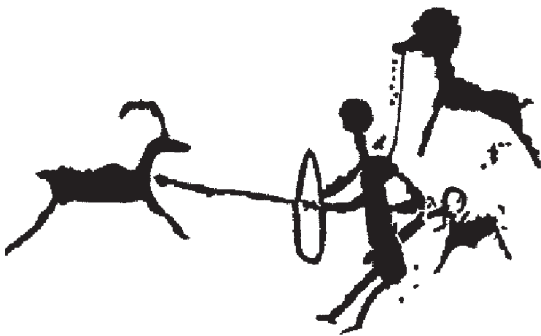

Рис. 5. Сцена охоты на дикого козла при помощи домашних коз.

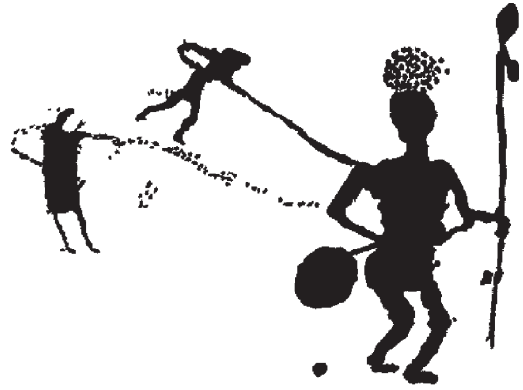

Рис. 6. Фрагмент древнего мифа: «Великан и два героя...»

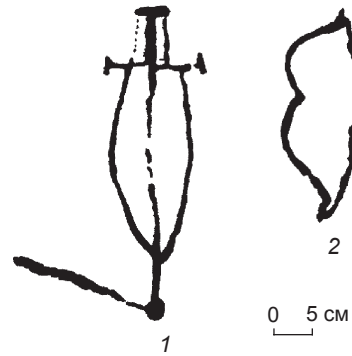

Рис. 7. Изображения кинжала в ножнах с портупейным ремнем (1) и сложносоставного лука (2).

ние аналогии в изображениях на отдельных оленных камнях Монголии, датируемых VII–V вв. до н.э. [Волков, 2002, табл. 36, 2]. Особенно интересен одиночный рисунок кинжала в ножнах, имеющих округлый окончание и портупейный ремень (рис. 7, 1). Общая длина оружия 42 см. Его широкий клинок и рукоять с грибовидным навершием напоминают кинжалы, изображенные на оленных камнях Монголии [Там же, табл. 26, 2; 94 и т.д.] и Алтая [Кубарев В.Д., 1979, табл. I; II, 2 и т.д.]. Тем не менее форма кинжала гораздо ближе карасукским образцам, и рисунок может быть датирован поздним бронзовым веком. Подобные кинжалы известны по случайным находкам на Алтае [Членова, 1976, табл. 6, 7]. Закономерно и то, что рядом с этим рисунком был найден другой небольшой камень с изображением сложносоставного лука (рис. 7, 2).

Очень выразительна и динамична фигура бегущего охотника, стреляющего из лука в козла, с крупной собакой на коротком поводке, привязанном к поясу лучника (рис. 8). Такой способ охоты по следу или даже гон крупных парнокопытных сворой собак широко использовался на Алтае в эпоху бронзы. Об этом повествуют многочисленные изобразительные мате-

Рис. 8. Сцена индивидуальной охоты с собакой на козла.

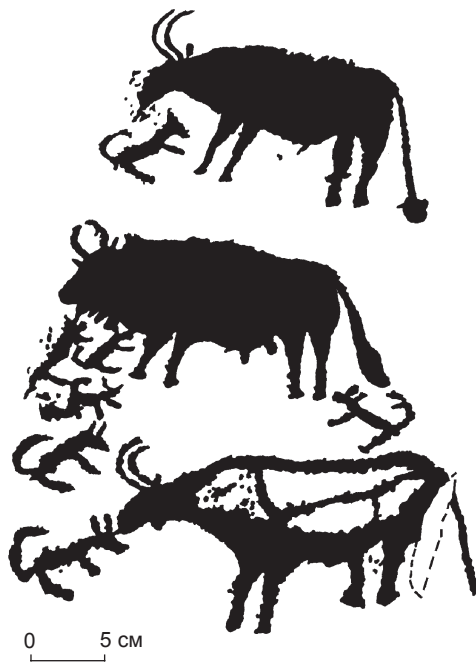

Рис. 9. Сцена нападения собак на диких быков.

Рис. 10. Изображения быка, лося (?), оленя, козлов и собак, связанные одной линией.

риалы из Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура [Кубарев В.Д., Цэвээндорж, Якобсон, 2005, рис. 101].

Интересна сцена противостояния диких быков и собак, находящаяся в центральной части древнего святилища: на трех быков, изображенных друг над другом, нападает семь (в данном случае уместно обратить внимание на числовую символику) собак (рис. 9). Рога и хвосты быков имеют разную форму, а у среднего животного на шее короткими черточками дополнительно показана свисающая шерсть. Своими стилистическими особенностями, а также ярусным построением композиция напоминает аналогичный сюжет на петроглифическом памятнике Калбак-Таш [Kubarev, Jacobson, 1996, fig. 513] и известный рисунок на обломанной стеле в долине р. Теньги на Российском Алтае [Кубарев В.Д., 1988, рис. 69; 2000, рис. 2, д; Молодин, Погожева, 1989, рис. 2]. По приведенным изобразительным аналогам эту композицию можно датировать эпохой бронзы и отнести к охотничьему эпосу, несмотря на то что фигуры охотников отсутствуют. Последняя закономерность отмечена для многих сцен охоты в петроглифах Алтайских гор.

Сюжет с вьючными волами в Хар-Чулуу повторяется три раза. Туловище одного, самого большого быка выполнено в декоративном стиле, очень широко применявшемся в изображениях различных животных на многих памятниках наскального искусства эпохи бронзы в Монголии. На нем по диагонали нанесены четыре извилистые линии. Фигура выполнена сочетанием контурной (туловище и ноги) и силуэтной (голова) техники. Пропорции фигуры, форма рогов, две ноги и линии на туловище – все это разительно дисгармонирует с остальными изображениями быков в Хар-Чулуу.

Повторяющимся сюжетом являются необычные сцены, где все изображения людей и животных соединены одной или несколькими линиями. В композиции из фигур быка, трех козлов, лося (?), оленя и собак (рис. 10) их соединение ломаной линией, вероятно, символизировало взаимосвязь и единство всего живого в природе, т.н. линию жизни, смерти и возрождения. Наверное, та же идея отражена и во второй небольшой сценке на вертикальной плоскости, где шесть фигур (три воина, собака и два козла) примыкают друг к другу. Третья подобная по смыслу композиция находится рядом с двумя вышерассмотренными. На ней причудливо переплелись ок. 25 фигур козлов и собак, собранных в один клубок при помощи извилистых линий. Сюжет дублируется и в миниатюре с двумя лучниками, двумя козлами и собакой. Но самая необычная и живописная «картина» находится в центральной части древнего святилища Хар-Чулуу. На вертикальной скальной плоскости, ориентированной на запад, нанесено более 60 тщательно выбитых изображений различных животных и людей, вооруженных луками, палицами и дротиками (рис. 11). Оригиналь-

Рис. 11. Многофигурная композиция (животные и охотники).

ность композиции заключается в том, что все фигуры животных, невзирая на разный видовой состав (быки, лошади, олени, козлы, бараны, собаки-волки – все самцы), соединены друг с другом «линиями жизни», проведенными от фаллоса одного к задней части или голове другого и образующими причудливые мозаичные цепочки. В строку древнего изобразительного текста – «бесконечного воспроизводства мира животных», воплощенного в таком необычном, но чрезвычайно наглядном ракурсе, – органично вплетены фигурки охотников или пастухов. Они тем же способом (выбитыми извилистыми линиями) соединены с изображениями животных. Судя по завершенности рисунков, ровной темно-коричневой патине, которая покрывает всю плоскость, а также отсутствию палимпсестов, композиция выполнена в один прием. Отдельные изображения (бык в декоративном стиле, лошади, «хвостатые» антропоморфы с палицами, лучники в «рогатых» головных уборах) позволяют датировать это уникальное произведение наскального искусства началом или даже серединой II тыс. до н.э., т.е. эпохой ранней или развитой бронзы. На памятнике Кой-

багар (Казахстан) в близкой манере выполнены «более 20 переплетающихся между собой фигур козла, человека, собаки; ниже и в центре изображен человек, запрягающий в колесницу двух лошадей. Это единственная известная нам среди петроглифов СССР подобная сцена» [Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 33, рис. 40]. На том же местонахождении есть еще одна композиция, напоминающая орнамент. Изображения животных (верблюды, туры, козлы) и человека соединены одной линией. В целом они также образуют своеобразный узор. Исследователи считали эти две композиции весьма редкими, датируя их бронзовым веком [Там же]. В настоящий момент уникальность казахстанских петроглифов утрачена в связи с обнаружением еще более оригинальных, а может быть, и более древних рисунков в Хар-Чулуу.

Среди наиболее часто встречаемых на данном местонахождении можно назвать изображения оленей т.н. монголо-забайкальского типа. По стилю и иконографии они аналогичны рисункам на оленных камнях Монголии, но в некоторых случаях отличаются большими размерами и выглядят менее стилизо-

ванными. В них, возможно, сохраняются отдельные черты (рога древовидной формы, полосы на туловище, четыре ноги), типичные для изображений оленей бронзового века.

Рисунки аржано-майэмирского времени раннескифской эпохи также встречаются в восточной части памятника. К ним относятся парные фигурки козлов и оленей, выполненные в декоративном стиле, и один охотничий сюжет с двумя парами оленей и козлов. Изящна и миниатюрная фигурка всадника на породистом коне. Пока не совсем понятно, к какому времени относятся изображения баранов с рогами в виде сплошного диска. Вхождение одной подобной фигурки в композицию, датируемую эпохой бронзы (рис. 12), вроде бы дает основание для определения даты и остальных, однако одиночное изображение барана с подогнутыми под брюхо ногами можно причислить к пласту петроглифов раннескифской эпохи. Впрочем, определение хронологии некоторых рисунков, как правило одиночных фигур животных, в Хар-Чулуу также остается проблематичным.

Сюжеты охоты лучников на козлов, оленей, кабанов и в скифскую эпоху были наиболее излюбленными на данном местонахождении. На одном рисунке представлена загонная охота, в которой две собаки с характерно закрученными вверх хвостами загоняют козла или дикого барана на всадника (рис. 13, 1). Обращают на себя внимание тщательно выбитые сложносоставной лук М-образной формы, заряженный стрелой, и подвешенный к поясу всадника горит или колчан. Они могут

быть датированы ранним железным веком. Это подтверждают и стилистические особенности в изображении животных. Особенно вычурно выглядит конь, запечатленный, очевидно, в момент стремительного движения, о чем свидетельствуют характерно согнутые ноги. У одной собаки показаны круглый глаз и открытая пасть. Тем же временем датируется и целый ряд других петроглифов в Хар-Чулуу. Например, изображения двух изящных козлов, голова одного из которых развернута назад, а рога вписаны под головой другого. В целом миниатюра близка орнаментальным мотивам, часто использовавшимся для декора различных предметов в культурах скифоидного облика Саяно-Алтая. Не менее выразительна композиция из фигур козлов, выбитых на отдельном камне (рис. 13, 2). Они показаны в характерной позе: с наклоненной вперед головой, приподнятым вверх задом, выброшенными вперед длинными ногами «на цыпочках». Одновременность выполнения рисунков определяется не только по стилистическим признакам, но и по продуманному симметричному расположению на камне и одинаковой ориентации фигур (вправо). У двух из них невыбранным фоном камня показан круглый глаз – технический прием, широко известный в декоративном и наскальном искусстве ранних кочевников Центральной Азии. Несколько рисунков в верхней части камня (человек с палицей (?), лошадь, козел, собака или лисица) выбиты достаточно небрежно и дисгармонируют с описанными фигурами козлов. Своим построением композиция подчинена форме камня и опять же очень напо-

Рис. 12. Изображения баранов с рогами в виде округлых дисков.

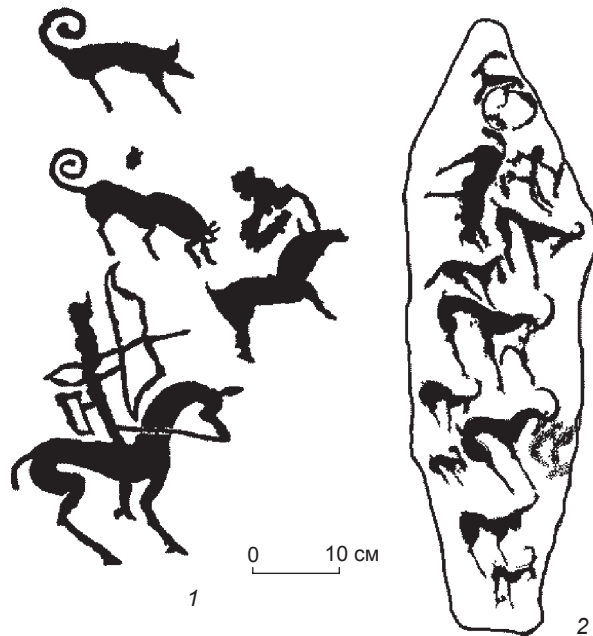

Рис. 13. Сцена охоты с собаками на козла (1) и композиция из фигур козлов, выполненных в раннескифском стиле (2).

минает сюжеты, воплощенные на отдельных оленных камнях Центральной Азии.

Недавно в восточной поле насыпи царского кургана Аржан-2 в Туве обнаружены 15 обломков оленных камней и каменных плит [Čugunov, Parzinger, Nagler, 2003, Abb. 40, 41; Чугунов, 2004, с. 33–35] с выбитыми изображениями оленей, кабанов, верблюдов, коней, колесницы и вооруженного кинжалом человека. Они датируются временем сооружения кургана – VII в. до н.э. или даже в пределах второй половины VII в. до н.э. [Чугунов, 2004, с. 34]. Но это самая поздняя дата, определенная по анализу предметов, найденных в погребениях. Вполне очевидно, что оленные камни и их обломки вторично использовались при сооружении насыпи и могут быть на несколько столетий старше самого кургана. Обломанный оленный камень с выгравированными изображениями оружия, оленя и кабанов был найден также в насыпи кургана Аржан, исследованного М.П. Грязновым [1980, рис. 29, 2] и датированного им в пределах IX в. до н.э. [Там же, с. 55, 61]. А.П. Окладников, привлекая этот камень для анализа изображений оленей на горе Тэбш в Монголии, пришел к выводу о его вторичном использовании. Он также отметил, что оленные камни применялись как строительный материал и для сооружения плиточных могил в Забайкалье [1980, с. 91]. Исходя из своих наблюдений и наличия на оленных камнях изображений кинжалов типично карасукских форм А.П. Окладников предложил датировать эти памятники второй половиной II тыс. до н.э. [Там же]. Оленные камни и валуны с фигурами архаров, маралов и лошадей, выполненными в аржаномайэмирском стиле, включены и в центральное сооружение керексура Улуг-Хорум в Туве [Грач, 1980, с. 120–121, рис. 73]. Из приведенных фактов следует, что рисунки на оленных камнях могут быть гораздо древнее, чем предполагают исследователи. Это касается и отдельных раннескифских петроглифов Монгольского Алтая, дата создания которых может быть пересмотрена и удревнена примерно до середины II тыс. до н.э. Вероятно, к той же эпохе относится и редкое для Хар-Чулуу изображение стоящей птицы с длинными ногами и шеей. Круглый глаз выполнен уже упомянутым приемом. На памятнике также найдены несколько других одиночных изображений птиц и одна композиция в виде табунка из пяти птиц. Все они показаны в профиль, и, несмотря на стилизацию, в них можно узнать идущих гусей и сидящих орлов.

К редко встречаемым в Хар-Чулуу можно причислить небольшие фигурки верблюдов (две) и лося. Многие рисунки (очевидно, незаконченные) в петроглифах не поддаются определению; некоторые изображения явно соотносятся с фантастическими животными, имеющими отношение к архаичным мифологиям.

Ряд знаков и непонятных фигур, наверное, можно назвать магическими, предназначенными для каких-то

ритуальных действий. В их числе: 1) шесть выбитых пятен, расположенных в виде полукруга перед фигуркой козла; 2) контурный овал (напоминающий формой стопу человека) и четыре лунки (одна из них заключена в круг из девяти выбитых округлых пятен); 3) Т-образный символ, формой напоминающий чекан – ударное оружие древних кочевников. Самыми древнейшими из этих знаков считаются чашечные углубления, или, как их еще называют, лунки, ямки и т.д. Они встречаются уже в палеолитических петроглифах и интерпретируются исследователями как символы плодородия. В Хар-Чулуу выбитых углублений немного. Они включены в контекст отдельных изображений и композиций. Но и естественные лунки на скальных поверхностях всегда привлекали внимание исполнителей древних рисунков. Осознанное включение их в сюжеты и композиции прослеживается по обработке краев и приданию округлых очертаний этим углублениям. Традиция использования естественных лунок, например, была известна и популярна в Калбак-Таше на Российском Алтае [Kubarev, Jacobson, 1996, fig. 59, 206 и т.д.], а также в синхронных монгольских петроглифах Цагаан-Саллаа и Бага-Ойгуга [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 942, 1146 и т.д.]. В семантическом аспекте такие лунки, несомненно, близки по смыслу искусственным чашечным углублениям. В этом убеждают и одновременные рисунки Хар-Чулуу, нанесенные вокруг большой глубокой лунки.

В последующие эпохи на скалах святилища Хар-Чулуу только древние тюрки оставили одну сцену охоты на козлов и миниатюрное изображение всадника.

Заключение

Таким образом, петроглифы Хар-Чулуу, как и большинство других на Алтае, относятся в основном к бронзовому и раннему железному векам. Изображения раннескифского времени и эпохи ранних кочевников выделяются по стилистически идентичным рисункам на оленных камнях [Кубарев В.Д., 1979; Волков, 2002; Франкфор, 2002; Čugunov, Parzinger, Nagler, 2003] и по предметным аналогам, выполненным в алтайском зверином стиле [Кубарев В.Д., 1999, 2004, 2006]. Подобный сравнительный анализ петроглифов Центральной Азии и предметов искусства из погребений железного века Синьцзяна и древней Бактрии провел А.-П. Франкфор. Он пришел к выводу, что многочисленные наскальные изображения содержат в себе информацию о тесных культурных контактах земледельцев с жителями степных районов Центральной Азии [2002, с. 62].

Специфика публикации новых петроглифов всегда связана с большим объемом иллюстративного материала. В данном сообщении приведены только наиболее

характерные сюжеты и отдельные рисунки. Остался нерассмотренным ряд интересных композиций и сцен, что, будем надеяться, послужит поводом для дальнейшего научного изучения петроглифов Хар-Чулуу. Тем не менее главная цель полевых исследований достигнута – на карту археологических памятников Монголии теперь можно нанести еще один ценный для исторической науки древний комплекс наскального искусства.

Мы не коснулись проблем современного петроглифоведения, однако их можно кратко сформулировать. Это изучение материальной стороны производственной деятельности; установление традиционных видов, способов и приемов охоты и военной тактики древних кочевников; определение семантики изображений оружия и интерпретация наиболее популярных образов наскального искусства Центральной Азии.

Петроглифы, открытые в устье р. Хар-Салаа, по разнообразию сюжетов и художественной выразительности изобразительных материалов могут быть поставлены в один ряд с другими, уже ставшими классическими, памятниками наскального искусства Монголии. Они представляют значительный интерес для археологов, искусствоведов, а также исследователей, занимающихся реконструкцией социально-экономических структур древних обществ и идеологических представлений древнего населения Алтая.

Список литературы

- Волков В.В.** Оленные камни Монголии. – М.: Научн. мир, 2002. – 248 с.
- Грач А.Д.** Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Грязнов М.П.** Аржан: Царский курган скифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 80 с.
- Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н.** Наскальные изображения хребта Каратау. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1977. – 230 с.
- Кубарев В.Д.** Древние изваяния Алтая: (Оленные камни). – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.
- Кубарев В.Д.** Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 172 с.
- Кубарев В.Д.** Пазырыкские сюжеты в петроглифах Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 84–92.
- Кубарев В.Д.** Петроглифы Курман-Тау // Древности Алтая / Горно-Алт. гос. ун-т. – 2000. – № 5. – С. 15–21.
- Кубарев В.Д.** Вооружение древних кочевников по петроглифам Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 65–81.
- Кубарев В.Д.** Мифы и ритуалы, запечатленные в петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 3. – С. 41–54.
- Кубарев В.Д.** Арал-Толгой: новый памятник наскального искусства Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007а. – № 1. – С. 111–126.
- Кубарев В.Д.** Билуут-Толгой: новый памятник наскального искусства Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007б. – № 3. – С. 63–68.
- Кубарев Г.В., Кубарев В.Д.** О древнетюркских поминательных оградках в устье реки Хар-Салаа (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 1. – С. 301–305.
- Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д., Кубарев В.Д.** Петроглифы Хар-Чулуу (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 1. – С. 309–314.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э.** Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с.
- Молодин В.И., Погожева А.П.** Плита из Озерного (Горный Алтай) // СА. – 1989. – № 1. – С. 167–177.
- Окладников А.П.** Петроглифы Центральной Азии. – Л.: Наука, 1980. – 271 с.
- Франкфор А.-П.** Образы, запечатленные на камне и в предметах искусства (по материалам погребений железного века Синьцзяна и древней Бактрии) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 4. – С. 62–68.
- Членова Н.Л.** Карасукские кинжалы. – М.: Наука, 1976. – 104 с.
- Чугунов К.В.** Аржан – источник // Аржан – источник в долине царей: Археологические открытия в Туве. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2004. – С. 10–39.
- Jacobson E., Kubarev V., Tseveendorj D.** Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor. – P.: De Boccard, 2001. – 481 p., 15 map., 399 pl. – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale / eds. H.-P. Francfort, Ja. A. Sher; t. V. 6). – (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale; N 6).
- Kubarev V.D., Jacobson E.** Sibérie du sud 3: Kalbak-Tash I (République de l'Altai). – P.: De Boccard, 1996. – 45 p., 15 pl., 662 fig. – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale / eds. H.-P. Francfort, Ja. A. Sher; t. V. 6). – (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale; N 3).
- Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A.** Der skythische Fürstengrabbügel von Aržan 2 in Tuva: (Vorbericht der russisch-deutschen Ausgrabungen 2000–2002) // Eurasia Antiqua. – 2003. – Bd. 9. – S. 113–162.

Материал поступил в редколлегию 27.12.07 г.